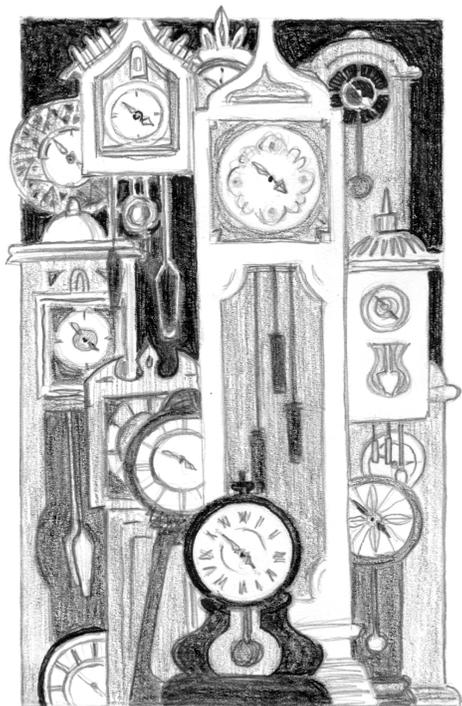

13 ЧАСОВ

*Яну и Хелен Гуде,
которые избавили автора не от одного
проклятья или заклятья,
посвящается эта история*

ГЛАВА I

Много лет назад на одиноком холме стоял мрачный замок, в котором было тринадцать настенных часов и ни одни не шли. Жили в этом замке бездушный жестокий герцог и его юная племянница — принцесса Саралинда. Какая бы ни стояла погода и какой бы ни дул ветер, Саралинде было тепло, а вот герцог всё время мёрз. Его руки были так же холодны, как его улыбка, и почти так же холодны, как его сердце. Герцог не снимал бархатные перчатки ни ночью, ни днём, хотя в перчатках ему было не так удобно брать пальцами булавки, монеты, а ещё лущить орехи или отрывать у соловьёв крылышки... Рост герцога был шесть футов и четыре дюйма*, возраст — сорок шесть лет, а температура — даже ниже, чем полагал он сам.

.....
* 1 метр 93 сантиметра.

Левый глаз герцога посверкивал сквозь стёклышко моногля. Правый глаз был прикрыт бархатной повязкой, отчего правая сторона его тела как бы ускользала от собеседника. Герцог потерял правый глаз в двенадцать лет, когда разорял гнёзда и самка сорокопута — маленькая птичка по прозвищу птица-палач — в страхе за птенцов напала на него первой. Неудивительно, что ночами герцога терзали дурные сны, а днём — гадкие помыслы.

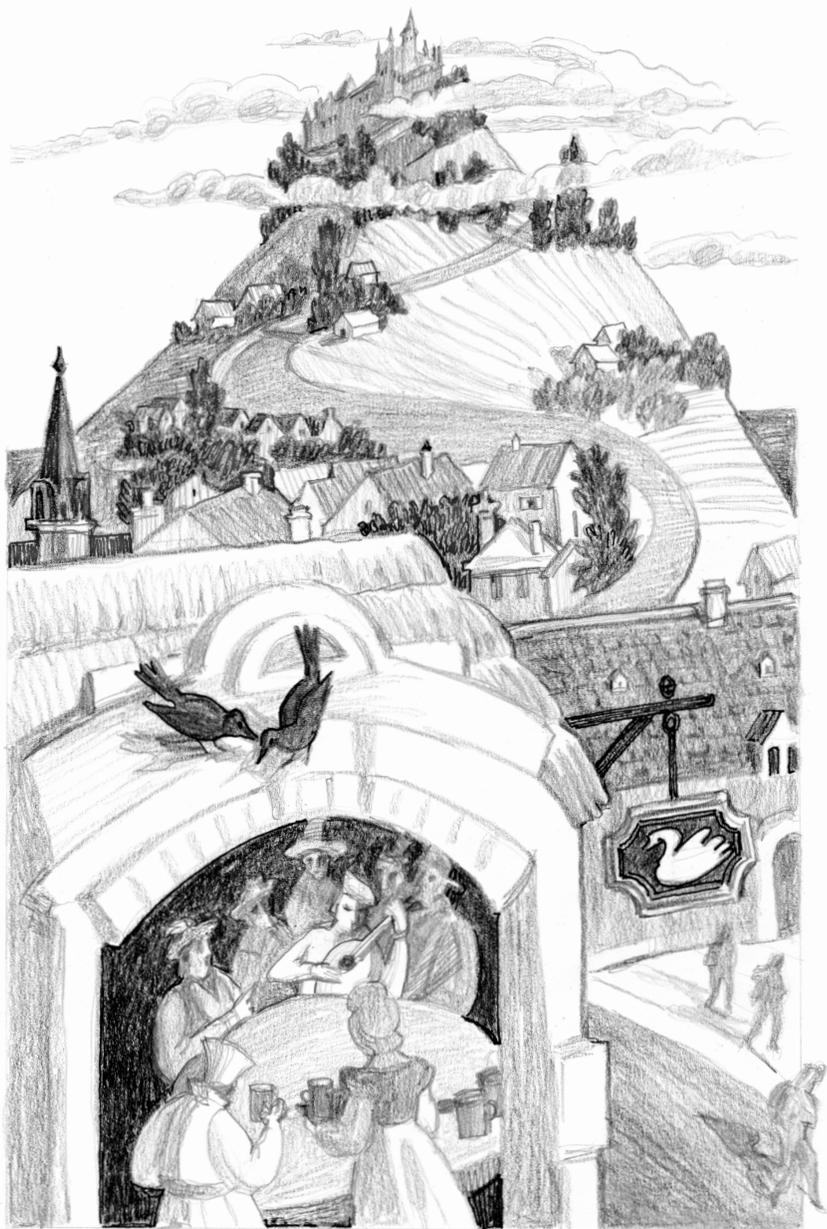
Хромая, скитался он по холодным галереям замка, злобно хихикая и измышляя, каким ещё испытаниям подвергнуть женихов Саралинды. Никому не хотел герцог отдавать её руку, ведь рука эта была единственной тёплой рукой в замке. Семь лет назад во время снежной бури наручные часы герцога остановились от холода, а с ними и тринадцать настенных — все с того дня показывали без десяти пять. Путешественники и мореплаватели, глядя на мрачный замок на одиноком холме, говорили: «Время там замёрзло и лжёт, поэтому там не Сейчас, а вечное Потом».

Герцог боялся Сейчас, потому что Сейчас тёплое и живое, в отличие от Потом, мёртвого и сокрытого от глаз. Герцог боялся, что Сейчас приведёт в замок весёлого блестящего рыцаря, исполненного отвагой. «Нет, не видать ему принцессы! — бормотал себе под нос герцог. — Испытания хитры, холм высок, путь далёк, тяжесть неподъёмна». Герцог каждое утро проверял часы — пошли? не пошли? — сам толком не понимая, чего хочет, но молясь, чтобы не пошли. Как старались часовых дел мастера, и мастера на все руки, и даже волшебники починить их! Встряхивали, заменяли в них детали, приносили

над ними заклинания и проклятия — часы не заводились, не тикали. Часы были мертвы, и герцог вообразил, будто убил само Время, пронзив его своим мечом. Герцог вытер лезвие о бороду Времени и оставил Время умирать, пока оно не истекло часами и минутами, пока часовые пружины его не растянулись и не размотались, а маятник не рассыпался.

Герцог хромал, потому что его ноги были разной длины. Правая переросла левую из-за того, что, будучи подростком, он каждое утро поддевал ею щенков и пинал котят. Герцог всегда задавал вопрос о своих ногах очередному жениху Саралинды: «В чём разница между левой и правой?» — и, если жених отвечал: «Одна короче другой», герцог обнажал меч, который был спрятан в его трости, и пронзал жениха насквозь, и потом скармливал гусям. Правильный же ответ звучал так: «Одна длиннее другой». Много женихов полегло, не уловив разницы. Хотя и правильно ответивших на вопрос герцог убивал по столь же пустяковым поводам: кто-то наступал на его клумбу с камелиями, кто-то недостаточно хвалил его вино, кто-то слишком долго разглядывал его перчатки, кто-то слишком долго смотрел на его племянницу.

Тем же, кому нипочём оказывались его меч и его холодный взгляд, герцог давал невероятно трудные задания. Чтобы добиться руки Саралинды, единственной тёплой руки в замке, где Время застыло на без десяти пять, жених должен был отрезать от луны ломтик или превратить морскую воду в вино. Ему требовалось найти то, чего никогда не было, или построить то, чего быть не может. Женихи приходили, участвовали в испытаниях, терпели

неудачу и больше не показывались в замке. Но бóльшая их часть была убита ещё до испытания — за то, что их имена начинались на «Кси», или за упавшую во время обеда ложку, или за ношение кольца, или за недостаточно почтительное отношение к Злу.

И замок, и его хозяин становились день ото дня холоднее, а вот Саралинда, несмотря на то что часы в замке не шли, потихоньку взрослела. Ей уже исполнилось двадцать, когда в городе, что раскинулся под холмом, появился принц, переодетый менестрелем. Он назвался именем Ксингу, хотя оно начиналось на «Кси» и вдобавок было ненастоящим его именем. Принц-менестрель выглядел весьма потрёпанно в одежде из лоскутов и заплат, как и подобает менестрелю, и пел за жалкие гроши, лишь из любви к пению. Ксингу, как он опрометчиво себя называл, был младшим сыном могущественного короля, однако ему приелись наряды, банкеты, турниры, а также окрестные принцессы, мечтающие выйти за него замуж, и он решил найти ту далёкую, о которой грезил во сне.

И Ксингу пошёл бродить по свету, чтобы распевать песни и понимать, чем живут простые люди, а возможно, и убить парочку-другую драконов — если доведётся.

В таверне под вывеской «Серебряный лебедь», где собирались странники, стражники, сплетники, смутьяны и собиратели историй — всех не перечислишь! — он услышал о Саралинде, прекраснейшей из тысячи принцесс, что живут на свете.

— Преврати дождевые лужи в слитки серебра — и Саралинда твоя, — подмигнул ему хозяин таверны.

— Или убей упёртого вепря из Вепреторна, — усмехнулся странник. — Однако знай, что в Вепреторне нет упёртого вепря, а это усложняет дело.

— Дело усложняет дядюшкин холодный взгляд и его острый меч, — засмеялся собиратель историй. — Этот меч способен рассечь менестреля от его адамова яблока и до подвздошной ямки.

— Болтают, что герцог в вышину семь футов* и ему всего двадцать восемь, так что мужчина он хоть куда, — подхватил сплетник. — И рука его достаточно холодна, чтобы заморозить часы, достаточно сильна, чтобы задушить быка, и достаточно ловка, чтобы поймать ветер. А ещё болтают, будто он крошит менестрелей в бульон, как сухарики.

— Да полно вам! — издевательским тоном произнёс смутьян. — Наш менестрель растопит сердце герцога песней, ослепит драгоценностями и золотом. А потом менестрель наступит на его клумбу, прольёт его вино, затушит его меч, признается в том, что имя его начинается на «Кси», — и тогда герцог скажет: «Возьми Саралинду, благословляю тебя, о светлейший принц Лоскутов и Заплат, повелитель Солнца!»

Хотя смутьян и весил целых двести пятьдесят два фунта**, менестрель одним рывком поднял его и подбросил до потолка, а потом ловко поймал и усадил обратно. И покинул таверну, кинув деньги на стол.

— А ведь я видел этого юношу раньше, — сказал странник, глядя Ксингу вслед, — и тогда он не был ни

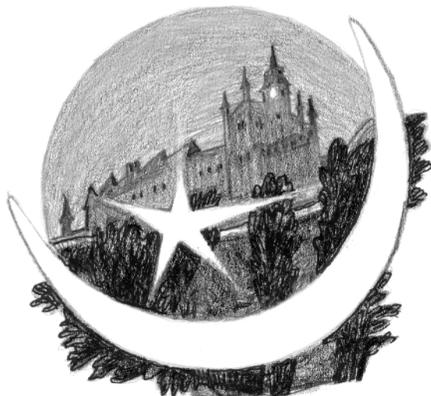
.....
* 2 метра 13 сантиметров.

** 114 килограммов 300 граммов.

оборванцем, ни менестрелем. Определённо, я его где-то видел... Но где?

— В бульоне у герцога, — сказал сплетник.

ГЛАВА 2

За дверью таверны в ночном небе сияла золотая лодочка луны, в которой покачивалась маленькая яркая звёздочка. В мрачном замке на холме мерцал фонарь — гас и загорался снова, — похоже, угрюмый герцог ходил с фонарём из комнаты в комнату, нанося мечом уколы летучим мышам и убивая пауков.

«„Он ослепит герцога драгоценностями“, — вспомнил менестрель слова смутьяна. — Что-то полезное для меня в этом есть, но вот что?.. — Менестрель мог лишь гадать, какое испытание придумает для него герцог. — Устроить снегопад пурпурного цвета? Смастерить из опилок стол?.. — думал менестрель. — А может, герцог просто возьмёт в руки меч, чтобы рассечь меня от адамова яблока до подвздошной ямки, а потом скажет Саралинде: „Вот он, лежит как последний дурак, безымянный твой менестрель! Я велю слугам скормить его гусям“».

Менестрель вздрогнул в лунном свете, пытаясь нащупать своё адамово яблоко и свою подвздошную ямку. Потом задумался, как и в какое время лучше проникнуть в замок.

«Нет, герцог не пригласит оборванного менестреля к столу, не назначит ему испытания, не позволит встретиться с принцессой... Ладно, что-нибудь придумаю, — вздохнул переодетый принц. — Однако что?»

Час был поздним, гуляки разбрелись по домам из кофеен и таверн. Среди них не было оборванцев в лоскутах и заплатках — напротив, многие были одеты в атлас и бархат. Услышав, как залиристо лают на таких собаки, менестрель снял с плеча лютню и запел:

*Собаки лают не на всех
И не на всех рычат,
А только на тех, кто в бархат одет...
А я пройду — промолчат.*

Сонный собиратель историй, плетясь домой, улыбнулся его песенке. Сплетник и смутьян остановились послушать.

*Если твой из бархата наряд,
В замке тебя чаем угостят.
Если ты, как я, в заплатках весь,
Понапрасну к герцогу не лезь.*

Мало-помалу менестреля окружила толпа народу.

— Какой он смелый, этот оборванец, даже герцога в песню вставил! — засмеялся присоединившийся к толпе простак, он же правдоруб.

Менестрель продолжал петь:

*Дают собаки и спать не дают.
Герцог котят обожает и кошек.
Вкусный из них получается суп,
А также перчатки и варежки тоже.*

Толпа притихла, затрепетав. В толпе знали, что герцог убил одиннадцать человек лишь за то, что они рассматривали его бархатные перчатки, сверкающие рубинами и алмазами. Опасаясь быть замеченными в компании обречённого, отчаянного менестреля, все заспешили по домам, чтобы шёпотом поделиться услышанным с жёнами. И лишь странник, ранее встречавший юношу, задержался, чтобы предупредить его об опасности.

— А ведь это ты блистал на турнирах, — сказал он, — и в бою побеждал рыцарей, ломая их одной рукой на двое, как сухари. Ты, должно быть, сын Тристана или Ланселота?

— Что ты! — Ксингу прикусил язык, чтобы не сболтнуть лишнего. — Я всего лишь странствующий менестрель в лоскутах и заплатах.

— Будь ты даже великим Зорном из Зорна, — сказал странник, — ты не избежал бы гнева герцога. Он бы взял в руки меч, чтобы рассечь тебя от адамова яблока до подвздошной ямки. — И странник коснулся сначала горла менестреля, а потом его живота.

— Что ж, — вздохнул менестрель. — Теперь я знаю, что именно мне надо беречь как зеницу ока.

За деревом мелькнула чёрная фигура в бархатной маске, капюшоне и плаще.

— Это Шёпот — шпион герцога, — тихо сказал странник. — Завтра он умрёт. — Менестрель молчал. — ...Шёпот умрёт, — повторил странник, — потому что, докладывая о твоих песенках, ему придётся сказать и о перчатках, хотя на это слово наложен строжайший запрет... И мне придётся бежать, раз я только что о них упомянул. — Странник грустно поглядел на менестреля. — О принцессе мечтал и жениться хотел? Тебя скормят гусям, это ясно как день. — Странник вздохнул. — Извини, я был с тобой честен. Доброй тебе ночи.

Странник исчез во мраке, как муха во рту у лягушки, и менестрель остался один на тёмной пустынной улице. Ударили часы, и звон тяжёлым камнем прокатился по ночному городу... Менестрель запел снова. И вдруг кто-то мягко, одним пальцем коснулся его плеча. Обернувшись, Ксингу разглядел старичка, улыбающегося ему в лунном свете. У старичка были не поддающаяся словесному описанию шляпа и вполне обыкновенная тёмная борода. Его широко распахнутые глаза сияли восторгом, будто глядеть на мир старичку было в диковинку.

— Если лучшее, чем ты располагаешь, — это песни, — сказал он, — ты не такой великий, как немногие, но немало не такой, как невеликие.

— Уж какой есть, — вздохнул менестрель. Взял в руки лютню и запел:

*Дают собаки и спать не дают.
Труссы давно по домам разбежались.
Многие встретят сегодня рассвет,
Шёпот, однако, умрёт... Эка жалость!*

Старичок перестал улыбаться.

— Кто ты такой? — спросил его менестрель.

— Я Голакс, — с гордостью сказал Голакс, — единственный на свете Голакс, а не просто выдумка или голос разума, как ты, возможно, подумал.

— Однако ты так же похож на голос разума, — сказал менестрель, — как и Саралинда — на розу.

— Я похож на половину непохожего так же, как другая половина похожа на меня. — Голакс вздохнул. — И я всегда прихожу на помощь тем, кому грозит опасность.

— Но это моя и только моя опасность, — сказал менестрель.

— Однако ты делишь её с Саралиндой.

— Об этом я не подумал. — Ксингу взглянул Голаксу в глаза. — Мне хочется тебе верить... Если тебе вѣдом путь, я пойду за тобой.

— Не спеши, — ответил Голакс. — Половины мест, где я был, нет и никогда не было. Я большой выдумщик. Половина того, что я называю реально существующим, в реальности не существует. Когда я был юным, я сочинил сказку о зарытом в лесу золоте, и люди принялись копать, даже те, что жили далеко от леса. Да я и сам копал.

— Зачем?

— Я подумал, сказка о золоте может оказаться былью.

— Но ведь ты сам её придумал.

— Ну конечно. Поначалу я ещё помнил об этом, а потом забыл. Я многое забываю.

Услышав такое, менестрель слегка забеспокоился.

— Порой я допускаю ошибки, — продолжал Голакс, — однако всегда остаюсь на стороне Добра. Мне повезло, мне благоприятствовал случай. Несмотря на то что

ребёнком я мечтал о злодействах, в юности я увидел паутину с залетевшим в неё светлячком. И встал на сторону жертвы.

— То есть светлячка? — спросил Ксингу.

— Нет, паука. Ведь светлячок едва не сжёг его паутину.

Беспокойство менестреля усилилось, но едва он собрался повернуться и уйти, как в замке гулко ударил колокол, вспыхнули огни, послышались голоса и чьи-то отрывистые команды. Огоньки фонарей медленным ручейком потекли с холма.

— Герцогу доложили о твоих песнях, — сказал Голак. — Так что собрались в зале, джигу сплясали, развязали мешок с котом... И что-то будет потом.

— Пробил мой час, — сказал менестрель.

Вдали послышался негромкий скрежещущий звук. Казалось, кто-то точит стальное лезвие о камень.

— Герцог собирается скормить тебя гусям, — сказал Голак. — Значит, надо поскорее придумать небылицу, только это его и остановит.

— Небылицу? — удивился менестрель.

— Надо уверить герцога в том, что после твоей смерти чьё-то сердце непременно запылает, — объяснил Голак, — а ведь герцогу ненавистны пылающие сердца... И ещё надо внушить ему, что некий принц и некая дева поженятся не далее как через месяц после того, как тебя скормят гусям.

— Полно городить чепуху, — сказал менестрель.

— Но это правдоподобная чепуха, похожая на заклятье ведьм, а герцог, — сказал Голак, — боится заклятий. Я уверен: его меч, занесённый над тобою, дрогнет.

Вдалеке затопали чьи-то ноги. Звук становился громче. Показались стражники герцога, в железных доспехах, с копьями, посверкивающими в свете фонарей.

— Стой! — заорал один из стражников.

— Оставьте старика в покое! — вскричал менестрель.

— Какого ещё старика? — опешил начальник стражи.

Менестрель долго вглядывался в темноту улицы...
Никого!

— Похоже, он видел Голакса, — хохотнул кто-то.

— Да нет тут никакого Голакса, — сказал начальник стражи. — Я как-никак грамоте обучен, мне ли быть суеверным... Стать в строй!.. Равняйся! — приказал он растерянному менестрелю.

— Ты что, оглох?.. Равняйся! — рявкнул помощник начальника стражи.

И отряд вместе с арестантом зашагал к высокой башне замка. Огоньки змейкой поползли по холму вверх.